

УДК 821.113.5-93
ББК 84(4Нор)-44
Л84

Maja Lunde
SNØSØSTEREN

Published in agreement with Oslo Literary Agency.
The Russian language publication of the book was negotiated through Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency.

Иллюстрации *Лизы Айзато*
Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

This translation has been published with the financial support of NORLA

Л84 **Лунде, Майя.**

Снежная сестрёнка : сказка / Майя Лунде ; ил. Лизы Айзато ; пер. с норв. Е.С. Рачинской. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 192 с. — (Сокровища книжной иллюстрации).

ISBN 978-5-17-115100-3

Скоро Рождество. На Рождество в доме всегда пахнет имбирным печеньем, мандаринами, корицей, а под ёлкой лежат подарки. А ещё у Юлиана день рождения. Но, кажется, в этом году праздник в их семье так и не наступит, ведь старшей сестры Юлиана, Юни, с ними больше нет...

Незадолго до сочельника опечаленный Юлиан встречается девочку по имени Хедвиг, которая верит: у него всё будет хорошо. Только вот в доме самой Хедвиг происходит что-то странное. Почему, кроме неё, там никого нет? И что за таинственный старик иногда бродит у неё в саду? Что же скрывает Хедвиг?

УДК 821.113.5-93
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-115100-3

 NORLA
NORWEGIAN LITERATURE ABROAD

© Text: Maja Lunde
© Illustrations: Lisa Aisato
First published by Kagge Forlag AS, 2018
© Е.С. Рачинская, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

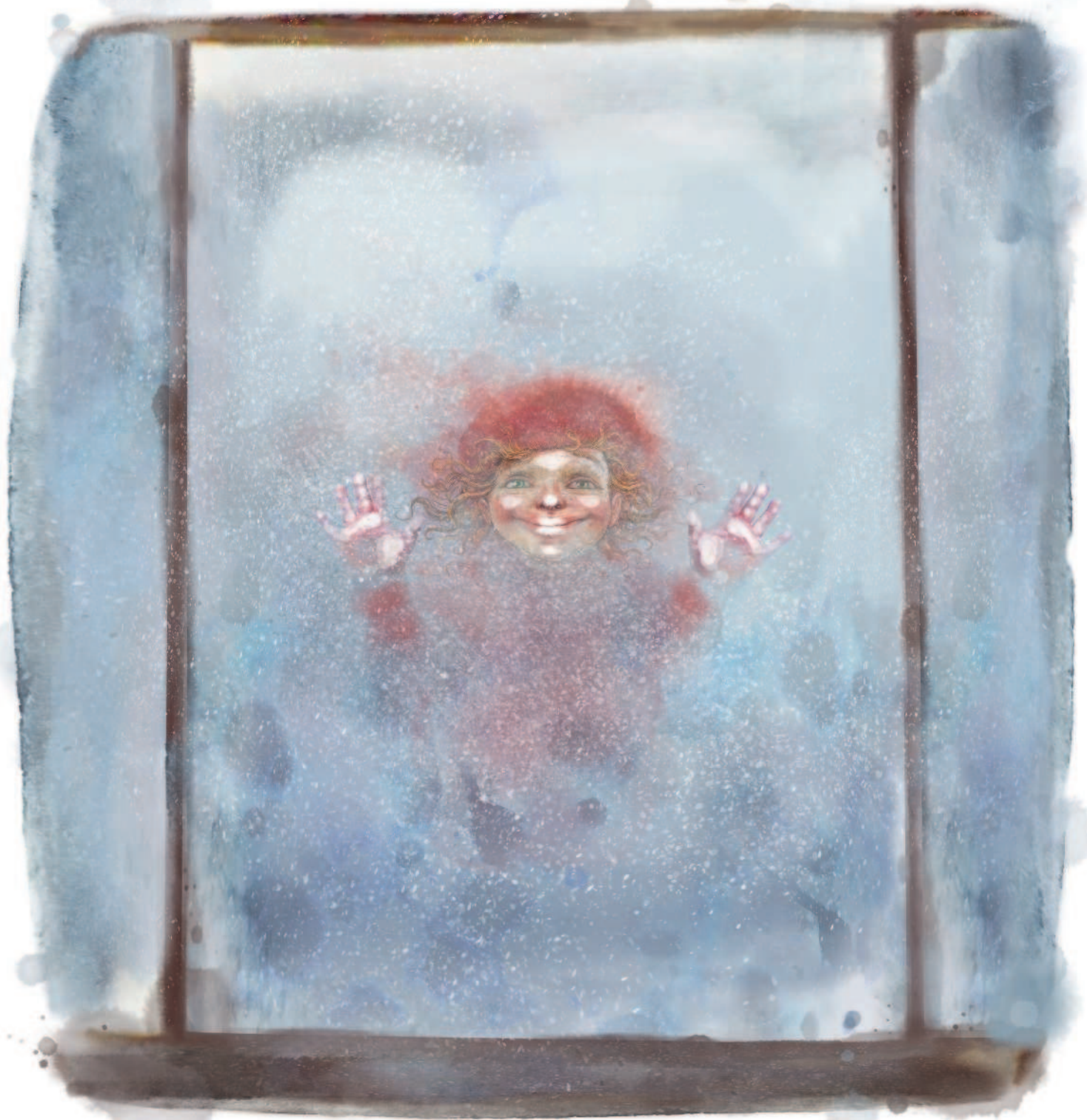
ГЛАВА

1

Я расскажу тебе о Хедвиг. О том, как она стала моим лучшим другом, и о том, как я её потерял. И о моей сестре Юни. Она уже тогда покинула меня, и всё же остаётся со мной до сих пор.

Впервые я увидел Хедвиг, когда плавал в бассейне. Она стояла на улице, прижавшись носом к стеклу, так что первым я заметил нос, а на носу — великое множество веснушек. Хедвиг заглядывала внутрь и была совсем одна. Шёл снег, снежинки садились ей на шапку, на выглядывавшие из-под шапки огненно-рыжие волосы и на толстое шерстяное пальто — кстати, красное, как шуба Юлениссе, он вроде вашего Деда Мороза.

Плавал я уже долго. Тогда я часто ходил в бассейн, почти каждый день. Плавал взад-вперёд. Всё больше под водой. Поднимал голову на каждом втором гребке, чтобы вдохнуть, а потом снова опускал в воду. Поднимаю, вдыхаю, делаю гребок, опускаю, выдыхаю, затем — новый гребок. Пока я плавал, мне не нужно было думать ни о чём другом, только о дыхании, плавании и воде. К тому же это помогало отточить технику. Когда ходишь в бассейн каждый божий день, как ни крути, а с каждым разом плаваешь всё быстрее и быстрее. На несколько десятых долей секунды быстрее, чем в прошлый раз.

Собственно, я стал ходить в бассейн потому, что туда ходил Юн, мой лучший друг. Мы оба терпеть не могли футбол и вместо него стали плавать. В тот день, когда появилась Хедвиг, Юн тоже был в бассейне. Он пришёл чуть позже меня. Помню, он стоял на бортике и дрожал от холода. Смотрел на воду и, похоже, боялся прыгнуть. Я подплыл, вылез на бортик и встал рядом.

— Привет, — сказал Юн.

— Привет, — ответил я.

— Вода холодная? — спросил Юн.

— Немного, как обычно.

— Тогда ладно, — произнёс Юн.

— На улице похолодало, — заметил я.

— Да, — подтвердил Юн. — Снег идёт.

— Да.

— И вчера шёл, — вздохнул Юн.

— Ну да.

— Да, — сказал Юн.

— Да, — повторил я.

Мы замолчали. Вода капала с меня на голубую плитку пола: кап-кап-кап. «Надо бы сказать что-нибудь», — подумал я. Юн, похоже, совсем замёрз. Он обхватил себя руками, будто сам себя обнимал. Мерзлявый,

и это неудивительно для такой тонкой щепки, как он. Юн — самый мелкий в классе. Как и я. В этом мы тоже похожи.

Теперь ты наверняка подумаешь, будто и подружился мы только из-за маленького роста и нелюбви к футболу, и что нам не о чем разговаривать. Неправда. У нас было о чём поговорить. Раньше. Мы начинали болтать, как только встречались утром по пути в школу, и не останавливались, пока не расходились по домам спать. Когда мы проводили время вместе, мне даже не приходилось задумываться, о чём говорить. Будто Юн — волшебная кнопка: стоило нажать — и слова извергались из меня потоком. Длинные фразы, без передыху. Передышки случались, разве только чтобы дать Юну возможность излить встречный поток слов. И мы много смеялись, Юн и я. До икоты. Катались по полу от смеха и не могли остановиться. Мама называла этот смех жемчужным — он звучал так, будто сыпались и раскатывались по полу крупные белые жемчужины.

Но всё это было раньше. После того лета мы с Юном больше не смеялись вместе. Каждый раз при встрече мне приходилось судорожно подыскивать слова. Фразы теперь получались короткими и всё больше о погоде. Я никогда столько не говорил о погоде, как в последние полгода. А я-то всегда думал, о погоде говорят только взрослые.

Юн, наверное, решил, что нет смысла вот так стоять и мёрзнуть. Да и мне стоять и капать на пол надоело. И мы оба прыгнули в воду.

Я снова стал плавать кролем туда-обратно. Я видел, как Юн старается плыть рядом, но не успевает за мной. Теперь я плавал быстрее него, ведь с лета я бывал в бассейне чаще.

Поднимаю голову, вдыхаю, делаю гребок, опускаю голову, выдыхаю, затем — новый гребок.

И тут я отвлёкся. Я увидел, что спасатели украсили к Рождеству свою будку. На окошке, выходящем на бассейн, они повесили гирлянду из мигающих лампочек.

Да, Рождество ведь Юль по-нашему. И скоро сочельник. Лучший день в году...

Считать сочельник лучшим днём в году — дело обычное, но у меня для этого есть особые причины. Дело в том, что на канун Рождества-Юля приходится мой день рождения. Потому меня и зовут Юлиан. Мне должно было исполниться одиннадцать. Причин для радости хоть отбавляй. Но я не радовался. Совсем. Меня очень беспокоило, каким будет это Рождество.

Уверен, ты тоже чётко знаешь, каким **должно** быть Рождество: где и с кем его праздновать, чем украсить ёлку и как она должна пахнуть. И тебе наверняка хочется, чтобы каждый год всё было так, как всегда. Вот и мне так хотелось. А дома у нас всегда было вот как...

Вечером в малый сочельник* мы с сёстрами укладывались спать, а мама с папой наряжали ёлку. А утром, в сам сочельник, проснувшись, я всегда боялся, что они не успели всё украсить. Я осторожно открывал дверь своей комнаты, крался по коридору второго этажа, замирал на верхней ступеньке лестницы и прислушивался. Я старался расслышать звуки Рождества: позвякивание подсвечника-карусели с ангелами — его ставили на каминную полку, — потрескивание дров в камине, голоса хора мальчиков, исполнявших «Тихую ночь», которую мама всегда включала в этот день. Эти мальчики так красиво поют, что меня каждый раз аж дрожь пробирает.

Убедившись, что все нужные звуки на месте, я тихонько спускался по лестнице и подкрадывался к дверям гостиной. Там я опять оставался, на этот раз, чтобы принюхаться. Ведь Рождеством должно и пахнуть по-особому. У нас дома Рождество пахло ёлкой, благовониями, поджигаемыми в специальной курительнице, имбирным печеньем, мандаринами, корицей и какао. А какао, между прочим, — лучший напиток на свете. Так вот, когда я убеждался, что пахнет как надо, я наконец решался распахнуть дверь в гостиную.

Сделав первый шаг, я снова замирал и моргал, потому что из-за всей рождественской позолоты гостиную было не узнать — там царили такие красота и уют, что у меня дух захватывало. И там меня ждали мама с папой. Они обнимали меня и говорили: «С днём рождения и с Рождеством, наш любимый рождественский мальчик! Иди скорей, будем пить

* Малым сочельником в Норвегии называют день, предшествующий сочельнику, и празднуют его 23 декабря. Сочельник же празднуют 24 декабря.

какао и завтракать». А за столом, полным разных вкусностей, уже сидели мои сёстры и улыбались. Мы желали друг другу счастливого Рождества: малышка Август, родившаяся в августе; я, средний, родившийся на Рождество; и Юни, наша старшая, — вы уже, конечно, догадались, что она родилась в июне.

...Юни, моя сестрёнка. Она была с нами каждое Рождество. Но теперь её место за столом пустовало. Дело в том, что Юни умерла. Её похоронили на кладбище у церкви. Потому-то в тот день в бассейне, плавая взад-вперёд, я всё время думал: какое же Рождество нас ждёт в этом году?

Я попытался снова сосредоточиться на плавании. Поднимаю голову, вдыхаю, делаю гребок, опускаю голову, выдыхаю, затем — новый гребок. И вдруг я сбился с ритма, вдохнул не вовремя, и мне в нос попала вода. В носу и в горле запершило. Я отплыл на мелкую половину бассейна и стал откашливаться. Вот тогда-то я и заметил Хедвиг. Она стояла на улице, заглядывала в окно и так сильно прижималась веснушчатым носом к стеклу, что тот побелел. Когда Хедвиг увидела, что я смотрю на неё, она отскочила от окна и удивлённо вытаращила на меня глаза. Я огляделся. Похоже, никто, кроме меня, её не замечал. Юн, во всяком случае, сосредоточенно плавал взад-вперёд. А я её видел, и она видела меня. Хедвиг подняла руку и помахала мне.

Я помахал в ответ. И тогда она улыбнулась. Во весь рот. Такой широкой улыбки я ещё не видел.

ГЛАВА

2

Когда я вышел на улицу, Хедвиг по-прежнему была там, но уже не у окна, а недалеко от входа. В сиянии фонаря её красное пальто светилось, на шапке искрились снежинки. Она подпрыгивала на месте, очевидно, чтобы согреться. Увидев меня, она снова расплылась в широкой улыбке, сорвалась с места и остановилась прямо передо мной.

— Ну наконец-то! — воскликнула она.

— Что? — озадаченно спросил я.

Она стояла и просто смотрела на меня. Я не знал, что сказать. Она явно меня дожидалась. Но почему? Мы были знакомы, и я её просто не узнал? Может, раньше учились вместе? Или она какая-нибудь кузина, или троюродная сестра, которую я мог видеть на одном из семейных праздников? Я перебирал в голове варианты, но не мог вспомнить, чтобы прежде встречал её. Думаю, такую мордашу я бы запомнил. Маленькое веснушчатое лицо с зелёными глазами, будто светящимися в темноте, большой улыбающийся рот, щербинка между передними зубами.

— Меня зовут Хедвиг, — наконец произнесла девочка. — Ой, нет, погоди, надо же представиться как подобает, полным именем. Меня зовут Хедвиг... ой, как бы мне хотелось сказать: Хедвиг Виктория Юханна Розендал Экелунд или что-нибудь этакое... но тогда бы я тебе солгала. А лгать, как известно, не подобает, особенно при первом знакомстве.

Она замолчала, чтобы перевести дух. И правильно сделала. Ведь произнесла она всё это на одном дыхании. Не прервись она сейчас, точно потеряла бы сознание от нехватки воздуха. Потом она протянула мне руку и сказала:

— К сожалению, меня зовут Хедвиг Хансен. Просто Хедвиг Хансен. «Ну и что? — скажешь ты. — Нормальное имя». Некоторые так и говорят: весьма практично. У них-то у самих наверняка имена поинтереснее, они даже не представляют себе, как скучно и обыденно зваться просто Хансен. У меня даже второго имени нет. Даже такого захудалого, как, например, Анна. Родители не удосужились вставить между Хедвиг и Хансен даже такого скучного имени, как Герд. Знаешь, я очень обижена на своих родителей. Могли бы проявить хоть капельку фантазии, когда придумывали мне имя.

— Понятно, — пробормотал я, — ясно.

Больше я выдавить из себя ничего не смог. Я никогда ещё не сталкивался с людьми, которые говорят так много и на такой скорости. Поди пойми, как отвечать на такие признания. Тут я увидел, что она до сих пор протягивает мне руку, и поспешно её пожал.

— Юлиан, — представился я. — Юлиан Вильгельмсен.

— Добрый день, Юлиан! — ответила Хедвиг. — Ты даже не представляешь себе, как необычайно, душераздирающе я рада познакомиться с тобой.

— М-м-м, э-э-э, нет, не представляю, — промычал я.

— Идём? — сказала Хедвиг.

— Ага, — согласился я.

Я-то собирался домой, и, если Хедвиг было со мной по пути, чего ж отказываться. Она вприпрыжку бежала рядом и вправду выглядела «необычайно, душераздирающе» счастливой. Я, пожалуй, даже не припомню, чтобы видел кого-нибудь таким радостным.

— Ты здорово плаваешь, — сказала она и улыбнулась. — Взад-вперёд, взад-вперёд. Да так быстро! Как ты этому научился? Давно? Часто тренируешься?

— Да, — ответил я.

— Представляю себе! Как чудесно вот так плавать, рассекая воду, будто акула! Ты часто представляешь себя акулой, рассекающей воду на бешеной скорости в погоне за добычей? Такой огромной, страшной акулой. Или весёлым, выпрыгивающим из воды дельфином. Я обожаю дельфинов! А ты? Они будто всё время улыбаются. Обращал внимание, что дельфины улыбаются? Мне кажется, это оттого, что они бесконечно счастливы. Как думаешь? Они ведь умеют так быстро плавать и потому не могут сдержать улыбки от радости.

— Да, — ответил я.

— Ты что-то не особо разговорчив, — пробурчала Хедвиг. — Но ты мне всё равно очень нравишься. И потом, ты умеешь плавать. Ты понимаешь, как тебе повезло, что ты так невероятно хорошо плаваешь?

— Я, признаться, об этом раньше не думал.

— А следовало бы подумать! И хорошенько, — сказала Хедвиг.

Впервые за время нашего знакомства она надолго умолкла. Я взглянул на неё. Теперь она не улыбалась, а смотрела на меня чуть ли не строго, ведь мне следовало со всей отчётливостью осознать, как мне повезло, что я научился плавать. И тут я понял.

— А ты... Ты не умеешь плавать? — спросил я.

Хедвиг сразу не ответила, но в глазах её блеснули слёзы.

— Нет.

Она вздохнула и проглотила комок в горле.

— Я хотела бы этого больше всего на свете, — тихо проговорила она. — Думаю, если бы я умела плавать, то была бы более цельным человеком.

— Да ты и так выглядишь довольно цельной, — сказал я. — Не переживай.

Какое-то время мы шли молча, пока не вышли на главную улицу. Как всегда — как в прошлом году, и в позапрошлом, и за год до этого, — она сверкала рождественскими украшениями. Между домами висели оплетённые красными лентами гирлянды из еловых веток и больших сверкающих снежинок. Хедвиг задрала голову и взглянула на светящиеся над нами огоньки.

— К счастью, на свете есть много других причин для радости.

— Да, наверное.

— Вот Рождество, например. Разве оно не прекрасно? Разве не кажется, будто от такой красоты сейчас сердце лопнет, разлетится на тысячи сверкающих осколков?

— Ну да, довольно красиво, — согласился я.

Обычно я с нетерпением ждал, когда наконец украсят главную улицу, но в этом году я даже не заметил, как это случилось. Увидел только сейчас, хотя до Рождества оставалась всего неделя.